

На общесоюзный экран вновь выходит выдающееся произведение советского кинематографа — фильм «Чапаев», поставленный тридцать лет назад братьями Васильевыми. АПН предлагает вниманию читателей рассказ исполнителя центральной роли Бориса Бабочкина о работе над образом, первых просмотрах ленты, о встречах со зрителями.

Полностью статья Б. Бабочкина будет опубликована в 11-м номере журнала «Новый мир».

Пятого ноября 1934 года у входа в кинотеатр «Титан» в Ленинграде появился написанный от руки плакат:

«Сегодня новый звуковой фильм «Чапаев».

За тридцать лет, прошедших со дня выхода в свет «Чапаева», я получил от зрителей не сотни, а, вероятно, не одну тысячу писем. И многие, очень многие из них показывают, насколько совместились для их авторов иллюзия и реальность, искусство и жизнь. И до сих пор, через тридцать лет, продолжают еще приходить иногда такие письма.

Если повторить выражение некоторых критиков — «чудо Чапаева», — то это чудо заключалось именно в этом необъяснимом, непонятном, странном и неповторимом обстоятельстве: «Чапаев» для зрителей тридцатых годов, или во всяком случае для громадного большинства этих зрителей, был не фильмом — заранее придуманным, подготовленным, срепетированным, а потом снятым на пленку. Это был подлинный, несомненный и реальный кусок жизни, захватывающий и трагический, а если он возник передо мною, зрителем, сейчас на экране, если я, зритель, очнувшись, начинаю понимать, что сижу в кинотеатре, что сейчас не 1919, а 1934 или 1936 год, то все это про-

Борис БАБОЧКИН, народный артист СССР

сто необъяснимое волшебство, которого я не понимаю, да и не хочу понимать и объяснять.

Наиболее удивительным мне кажется то, что подлинными участниками событий — бойцы и командиры Чапаевской дивизии — тоже воспринимали фильм как живую жизнь, а не как произведение искусства. У меня на груди плакал горькими и радостными слезами пожилой человек, бывший чапаевский боец. Он обнимал меня и, всхлипывая и стесняясь своих слез, повторял: «Там у колодца, в белой-то рубашке, ведь это был я... Ты понимаешь, ведь это был я...» И мне не захотелось разрушать эту его иллюзию. Я подтвердил:

— Это был ты. Я знаю.

В первый год войны я встретился в Саратове с бывшим командиром кавалерийского эскадрона Чапаевской дивизии по фамилии Жуков. В фильме перед сценой капелевской атаки адъютант Чапаева приносит тревожную весть:

— Буза в эскадроне. Жукова убили.

В этом тексте Жуков — случайная фамилия. Он мог быть Ивановым, Петровым — кем угодно.

Но подлинный Жуков, не виновный в случайном совпадении, предьявил мне, как Чапаеву, самую серьезную претензию: как это я, не разобравшись как следует, поверил, что его убили. Он, Жуков, был только ранен, и пока усмиряли взбунтовавшийся эскадрон, ему делали перевязку здесь же неподалеку, вот в этом же лесу.

То, что я не встречал живого Чапаева, мне кажется чистой случайностью. Я вырос в тех же местах, где потом гремела слава Чапаева, моя комсомольская юность привела

меня на некоторое время в политотдел 4-й армии Восточного фронта, куда входила 25-я Чапаевская дивизия. И если я не знал Чапаева, то скольких таких же или очень похожих на него командиров я знал! Я пел те же песни, которые пел Чапаев, я знал тот простой и колоритный язык, на котором тогда говорили, я умел сам носить папаху так, чтоб она неизвестно на чем держалась. Одним словом, мне не нужна была творческая командировка перед тем, как начать работать над ролью.

Несмотря на то, что в первых снятых сценах я не был похож не только на Чапаева, но, по-моему, вообще ни на что не был похож, это режиссеров совершенно не смущало. Еще тогда, тридцать лет назад, на заре советского кинематографа, они понимали, что у актера, будь он хоть семи пядей во лбу, образ не может родиться сразу, немедленно, по календарному плану. Образ рождается в результате весьма продолжительного, часто мучительного творческого процесса.

Через некоторое время после подготовительного периода, после первых и, конечно, неудачных съемок наступил тот желанный момент, когда Чапаев стал моим вторым «я». В своем толковании Чапаева я меньше всего чувствовал себя обязанным становиться похожим на настоящего Чапаева, меньше всего старался имитировать его внешность, походку, манеры, о которых мог судить по рассказам его близких и по немногочисленному сохранившемуся монографическому материалу.

(Окончание на 4-й стр.)

**МОСКОВСКИЙ
КОМСОМОЛЕЦ**

7 ноября 1964 г. 3 стр.